

BOĐAK A.Yu. Dynamics of growth of the population of a city of Brest during the post-war period

The article considers the dynamics of Brest population growth after the war. The author says that the growth of the city population depended on the growth of the industry. Population growth rates had declined in the 1990-s. But nowadays the dynamics has improved.

УДК 947.6 «1863/1864»

Карпович О.В.

РЕПРЕССИИ В ОТНОШЕНИИ УЧАСТНИКОВ ВОССТАНИЯ 1863–1864 гг.: ПРАВДА И ВЫМЫСЛЫ

Введение. В исторической литературе, посвященной проблемам восстания 1863–1864 гг., из года в год упоминается о 128 казненных на территории Северо-Западного края «жертвах муравьевского террора». Однако до сих пор в отечественной историографии не был проведен анализ социально-сословного состава казненных, не были названы причины их казни, наконец, не названо точное число казненных повстанцев на территории современной Беларуси. Между тем, такие сведения заставляют по-новому взглянуть на трагические события того уже далекого времени. В данной статье мы постараемся восполнить этот пробел, приведя полный список казненных на территории Беларуси участников восстания 1863–1864 гг., проанализировав причины их казни и поведение отдельных представителей восстания [22; 23].

1. Адамович Станислав, рядовой Муромского пехотного полка. Казнен в Бресте 3(15).06.1863 г. за вступление в ряды повстанцев, участие в разграблении почты на Пинском тракте, сожжении моста на р. Ясельда, убийство двух солдат из команды инвалидов.
2. Александрович Франц, дворянин. Казнен в Ошмянах 5(17).11.1863 г. за участие в повешении однодворца Яна Носевича в качестве главного исполнителя преступления.
3. Алаев Вавринцев, рядовой Донского казачьего полка. Казнен в Кобрине (дата неизвестна) за убийство еврея, разбой, изнасилование крестьянской девушки.
4. Апанович Франц, дворянин, неутвержденный герольдией. Казнен в Сморгони 6(18).11.1863 г. за участие в повешении однодворца Яна Носевича.
5. Анцыпо Ильдефонс, дворянин. Казнен в Могилеве 6(18).11.1863 г. за создание и предводительство вооруженным отрядом в Быховском уезде, сожжение документов и повреждение телеграфа.
6. Балич Юзеф, крестьянин. Казнен в Бресте 23.12.1863 (3.01.1864) г. за участие в истязаниях над лицами, преданными правительству.
7. Будзилович Игнатий, поручик лейб-гренадерского Екатеринбургского полка. Казнен в Орше 23.08.(9.09) 1863 г. за самовольное оставление службы, руководство повстанческим отрядом, насильственную вербовку в него людей.
8. Бугельский Поликарп, шляхтич. Казнен в Щучине 2(14).05.1864 г. за руководство одним из отрядов, участие в вооруженных столкновениях с войсками.
9. Булышко Цезарь, мещанин. Казнен в Минске 29.01(10.02).1864 г. за соучастие в повешении православного священника Даниила Конопасевича.
10. Валинский Ян, мещанин. Казнен в Минске 4.04.1864 г., причина казни не установлена.
11. Врублевский Габриель, дворянин. Казнен в Мозыре 5(17).07.1863 г. за пребывание в повстанческом отряде в должности начальника кавалерии.
12. Гзовский Винцент, однодворец. Казнен в мест. Озеры Гродненского уезда, 30.12.1863 (11.01).1864 г. за повешение крестьянина мест. Озеры, истязание крестьянина Франца Комаровского, командование отрядом «жандармов-вешателей».
13. Гнутов Никифор, рядовой Донского казачьего полка. Казнен в Кобрине (дата неизвестна) за убийство еврея, разбой, изнасилование крестьянской девушки.
14. Грушевский Феликс, мещанин. Казнен в Кобрине 5(17).10.1863 г.

за участие в повешении двух жителей Кобринского уезда, изнасилование крестьянской девушки.

15. Гринчик Ян, мещанин. Казнен в Шерешеве, Пружанского уезда 8(20).12.1863 г. за пребывание в повстанческом отряде в качестве «жандарма-вешателя», личное участие в убийствах жителей Гродненской губернии.
16. Гриневич Томаш, отставной штабс-ротмистр, помещик. Казнен в Рогачеве Могилевской губернии 16(28).07.1863 г. за создание и руководство повстанческим отрядом.
17. Гордоцкий (имя и сословная принадлежность не установлены). Казнен в Щучине. 27.04.1864 г. Причина казни не установлена.
18. Жебровский Константин, поручик 6-й артиллерийской бригады. Казнен в Борисове 24.06.(6.07).1863 г. за самовольное оставление службы, измену присяге, создание и руководство повстанческим отрядом.
19. Завистовский Станислав, отставной штабс-капитан, дворянин. Казнен в Волковыске 10(22).07.1864 г. за командование отрядом «жандармов-вешателей».
20. Зельмиц Владимир, дворянин. Казнен в мест. Озерницы, Слонимского уезда 7(19).08.1863 г. за нахождение в отряде мятежников с оружием в руках, участие в повешении старосты мест. Озерницы.
21. Змачинский Ян, вольноотпущенный рядовой лейб-драгунского Московского полка. Казнен в Минске 5(17).08.1863 г. за пребывание в повстанческом отряде.
22. Ильковский Антоний, дворянин. Казнен в Шерешеве Пружанского уезда 8(20).12.1863 г. за пребывание в повстанческом отряде в качестве жандарма-вешателя, личное участие в убийствах жителей Гродненской губернии.
23. Йоч Людвиг, дворянин. Казнен в мест. Озерницы Слонимского уезда 7(19).08.1863 г. за нахождение в отряде мятежников с оружием в руках, участие в повешении старосты мест. Озерницы.
24. Коргалльский Иван, рядовой Донского казачьего полка. Казнен в Кобрине (дата неизвестна) за убийство еврея, разбой, изнасилование крестьянской девушки.
25. Корсак Владислав, подпоручик 3-й сводной артиллерийской бригады. Казнен в Могилеве 6(18).06.1863 г. за самовольное оставление службы, измену присяге, создание и руководство повстанческим отрядом.
26. Корсак Ян, мещанин. Казнен в Бресте 28.12.1863 (8.01.1864) г. за участие в истязаниях лицами, преданных правительству.
27. Лосинский Винцент, однодворец. Казнен в Ольшанах 6(18).11.1863 г. за пребывание в повстанческом отряде, соучастие в повешении однодворца Яна Носевича.
28. Манцевич Ян, прапорщик 3-й сводной артиллерийской бригады. Казнен в Могилеве 6(18).06.1863 г. за самовольное оставление службы, измену присяге, добровольное вступление в повстанческий отряд.
29. Манцевич Михаил, прапорщик 3-й сводной артиллерийской бригады. Казнен в Могилеве 6(18).06.1863 г. за самовольное оставление службы, измену присяге, добровольное вступление в повстанческий отряд.
30. Масальский Кароль, дворянин. Казнен в Слониме 5(17).08.1863 г. за участие в вооруженных столкновениях с войсками, повешение старосты мест Озерницы (?) Макаревича.

Карпович Олег Валерьевич, ассистент кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

31. Мацкевич Петр, дворянин. Казнен в Ошмянах 5(17).11.1863 г. за участие в вооруженных столкновениях с войсками, соучастие в повешении однодворца Яна Носевича.

32. Миконский Теофил (сословная принадлежность не установлена). Казнен в Щучине в 1864 г., причина казни не установлена.

33. Млынский Владислав, штабс-ротмистр. Казнен в Новоалександровске Ковенской губернии (сейчас – г. Браслав) 9.07.1863 г. Причина казни не установлена.

34. Оулич Болеслав, дворянин, чиновник. Казнен в мест. Богушевичи Минского уезда 16(28).11.1863 г. за участие в вооруженных столкновениях с войсками, соучастие в повешении православного священника Даниила Конопасевича.

35. Олендский Антоний, подпоручик пешей полевой артиллерии. Казнен в Минске 30.03(11.04).1864 г. за измену присяге, создание и руководство повстанческим отрядом.

36. Оскерко Михаил, дворянин, доктор. Казнен в Могилеве 28.04(10.05).1864 г. как главный повстанческий комиссар Минского воеводства.

37. Павлович Богуслав, прапорщик 13-й артиллерийской бригады. Казнен в Бресте 19(31).07.1863 г. за самовольное оставление службы, измену присяге, добровольное вступление в повстанческий отряд.

38. Пиотровский Феликс, дворянин, неутвержденный герольдией. Казнен в Кобрине 5(17).10.1863 г. за участие в вооруженных столкновениях с войсками, повешение двух солдат, изнасилование крестьянки.

39. Подолецкий Александр, крестьянин. Казнен в мест. Богушевичи Слуцкого уезда 16(28).11.1863 г. за участие в вооруженных столкновениях с войсками, соучастие в повешении православного священника Даниила Конопасевича.

40. Пусловский Адам, помещик. Казнен в Новогрудке 26.06(8.07).1863 г. за создание и руководство повстанческим отрядом.

41. Сакович Яков, крестьянин. Казнен в мест. Богушевичи Слуцкого уезда 16(28).11.1863 г. за участие в вооруженных столкновениях с войсками, соучастие в повешении священника Даниила Конопасевича.

42. Силевич Владимир (сословная принадлежность не установлена). Казнен в Слониме 11(23).08.1863 г. за участие в боях с правительственными войсками.

43. Смыслов Владислав, помещик. Казнен в Новогрудке 8(20).01.1864 г. за участие в вооруженных столкновениях с войсками и повешение крестьянина.

44. Снадский Андриан, дворянин, чиновник. Казнен в Ошмянах 17(29).08.1863 г. за участие в вооруженных столкновениях с правительственными войсками.

45. Соломон Август, подданный Пруссии. Казнен в Шерешево Пружанского уезда 8(20).12.1863 г. за пребывание в мятеже в качестве «жандарма-вешателя», личное участие в убийствах нескольких жителей Гродненской губернии.

46. Станевич Эдвард, дворянин. Казнен в Ольшанах 6(18).11.1863 г. за участие в повешении однодворца Яна Носевича в качестве главного исполнителя преступления.

47. Тельшевский Альбин, дворянин. Казнен в Игумене 16(28).10.1863 г. как предводитель шайки «жандармов-вешателей» при убийстве священника Конопасевича.

48. Толинский Доминик, крестьянин. Казнен в Гродно 11(23).10.1863 г. за участие в повешении лесника Юлпановича.

49. Трофимчик Теодор, крестьянин. Казнен в Кобрине 5(17).10.1863 г. за участие в вооруженных столкновениях с войсками, повешение отставного солдата в Пинских лесах.

50. Унгебауэр Александр, помещик. Казнен в Новогрудке 8(20).01.1864 г. за участие в вооруженных столкновениях с войсками, повешение крестьянина в качестве главного исполнителя преступления.

51. Урбанович Юзеф, рядовой Капорского пехотного полка. Казнен в Гродно 14(26).03.1864 г. за самовольное оставление службы, измену присяге, добровольное вступление в повстанческий отряд.

52. Фальковский Адам, ксендз. Казнен в Лиде 13(25).06.1863 г. за чтение повстанческого манифеста, призыв крестьян к восстанию.

53. Холево Телесфор, дворянин. Казнен в Боровлянах 28.03(8.04).1865 г. за участие в вооруженных столкновениях с вой-

сками, повешение православного священника Даниила Конопасевича в качестве главного исполнителя преступления.

54. Царевич Эдвард, дворянин. Казнен в Боровлянах 30.05.1864 г. за убийство станového пристава Борисовского уезда Бацкого.

55. Цюндзевицкий Михаил, прапорщик 8-й артиллерийской бригады. Казнен в Минске 21.05(2.06).1863 г. за самовольное оставление службы, измену присяге, призывы крестьян к восстанию в Минской и Виленской губерниях.

56. Черко Александр, крестьянин. Казнен в Бресте 23.12.1863 (3.01.1864) г. за пребывание в повстанческом отряде в качестве «жандарма-вешателя».

Итак, на территории современной Беларуси было казнено 56 человек. Как можно видеть, представленные в этом списке лица, в большинстве своем, далеки от «невинных жертв» М.Н. Муравьева. От рук подобных «жандармов-вешателей», а по сути, уголовников, по сведениям гродненского дореволюционного историка Е.Ф. Орловского на территории только Гродненской губернии погибло 36 человек: 1 становой пристав, 5 отставных нижних чинов армии, 2 отставных унтер-офицера, 1 отставной фельдфебель, 2 налоговых служащих, сельский староста, 3 женщины, 16 крестьян, 2 лесных стражника, 1 помещик и 2 православных священника [12, с. 293]. По другим сведениям, только на счету отряда Ленкевича (повстанческий псевдоним Ляндер), действовавшего в Гродненской губернии 70 жизней мирных жителей [15, с. 68]. Не меньше преступлений совершил прославляемый ныне Валерий Врублевский. Так, по сведениям многих арестованных повстанцев, он «послал отряд из 20 человек в мест. Шерешево (Пружанский уезд – О.К.), которым велел сжечь бровар и убить 5 человек» мирных жителей по обвинению в помощи властям, где 19 (31) августа 1863 г. были повешены: Абрам Найгас, Фишель Юделевич, семья лесного стрелка Беловежской пуци – Анна, Героним и Иосиф Седуны и крестьянин Яким Зайончковский. В лесу близ Шерешево позднее были повешены еще 4 человека. 3 (15) июля 1863 г. в имении Котра этого же уезда были повешены православный священник Роман Ралацкий и крестьянин Константин Швед [9, лл. 30б, 70б–100б; 13, с. 107, 157, 246]. В Кобринском уезде было повешено 6 человек: 4 крестьянина и 2 пленных солдата русской армии [19, с. 386–387, 389]. В Волковыском уезде, по сведениям Э.С. Ярмусика, пострадало (включая убитых) 33 человека [21, с. 132].

Средневековая жестокость таких «борцов за свободу» просто поражает. Из отчета виленского губернатора генерал-губернатору Северо-Западного края В.И. Назимову: «В последних числах апреля 1863 г. в лесу близ мест. Жогинь Росиенского уезда повешена беременная крестьянка Карабинова. Несчастливая жертва, когда вздернута была на дерево, разродилась мертвым ребенком. В Ковенском уезде близ мест. Бодзь повесили крестьянина Багонского и его жену. На груди повешенных прикреплен был приказ мятежников, воспрецававший хоронить эти тела, которые и оставались несколько дней непогребенными. ...8 февраля 1863 г. шайка мятежников, встретив в имении Невель Пинского уезда пятисотского Бараневича, повесила его на дереве, затем сняв его, отрезала голову...» [2, л. 169–175]. В Брестском уезде ужас на крестьян наводил отряд отставного капитана русской армии, местного помещика Казимира Нарбута, который лично отдавал приказы сжигать крестьянские хаты и пороть их владельцев за отказ сотрудничать с «народной властью». Нередко такие порки заканчивались смертью [7]. По некоторым данным, от рук соратников Калиновского, в Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской губерниях погибло около 600 мирных жителей – крестьян, помещан, представителей местной власти [1, с. 44].

Вызывает удивление участие в таких экзекуциях служителей сана. Например, в убийстве 23 мая 1863 г. в мест. Сураж Гродненской губернии православного священника Константина Прокоповича принимали участие ксендзы: Белостокского уезда Моравский, Суражского костела Феликс Кринский и Александр Косаковский из Августовской губернии. В общей сложности в этом преступлении участвовало 14 человек – 3 ксендза, 2 крестьянина, 2 шляхтича, 6 помещан и 1 помещик [6, л. 285]. На совести отряда ксендза Горбачевского только в Лидском уезде по меньшей мере 3 убийства мирных обывателей, совершенных с изуверской жестокостью: перед тем как повесить трех крестьян, их

пытали и выкололи глаза [2, л. 173]. Не меньшими зверствами отличался отряд еще одного представителя духовного сана – ксендза Мацкевича в Ковенской губернии. Своих жертв, приговоренных им же к смерти, он лично исповедовал и причащал [17, с. 6].

Не меньшее удивление вызывает участие в подобных «подвигах» представителей дворянства, лиц, у которых понятие чести и достоинства, казалось, должно быть заложено с рождения. Как видно из представленного выше списка, в уголовных преступлениях оказалось замешано 14 дворян. Вот документальное описание «подвигов» дворянина Сокольского уезда Гродненской губернии Феликса Петровского, который, «пойманный с оружием в руках, по суду и собственному признанию оказался виновным: 1) за нахождение в мятежных шайках, действовавших против русских войск; 2) за участие в убийстве двух крестьян начальником их шайки Синкевичем; 3) за то, что для свершения этого злодеяния он дал Синкевичу свой пояс, на котором и был повешен один из крестьян, привязанный к наклоненному дереву, которое он, Петровский, потом отпустил; 4) в изнасиловании крестьянской девки» [19, с. 390]. Как известно, последние три пункта обвинения сурово наказываются и в современное время.

Нередки были случаи, когда молодые офицеры, студенты и гимназисты, переходя на сторону повстанцев, были буквально зомбированы, говоря современным языком. Так, только благодаря настойчивым требованиям своей матери, помещицы Могилевского уезда, дезертировали из воинской части и присоединились к повстанческому отряду подполковника Антония Олендского прапорщика 3-й артиллерийской бригады Ян и Михаил Манцевичи. По воспоминаниям очевидца, в момент казни двух офицеров, присутствовавшая при этом их мать выкрикнула сыновьям: «Я вами горжусь!». Два студента, некие Денисович и Трушинский, лично принимали участие в расстреле своих отцов, жандармских офицеров [16, с. 310].

Отдельно следует сказать о православном священнике Данииле Конопасевиче, который был повешен мятежниками 23 мая 1863 г. Нескольких лет назад автор этой статьи дискутировал на форуме интернет-сайта «Свіслацкія аркушы» с его основателем Дмитрием Кузьменко относительно преступлений, творимых повстанцами в отношении мирного населения. Автор данного проекта настойчиво пытался привести аргументы об издевательствах самого Конопасевича над ранеными повстанцами. В частности, якобы священник засыпал рот раненых землей, когда они просили воды. К сожалению, на эту непроверенную информацию ссылаются сейчас многие исследователи, стремясь показать зверства исключительно со стороны правительственных властей. Впервые этот миф был озвучен при допросе Альбина Тельшевского, который руководил бандой так называемых «жандармов-вешателей». Между тем, проведенное властями официальное расследование, в том числе перекрестные допросы самих повстанцев, жителей села Богушевич (где был убит Конопасевич) и очные ставки полностью опровергли эти обвинения в адрес погибшего священника [20, с. 55]. Здесь автор данной статьи ссылается как на монографию белорусского священника Гордея Щеглова, так и на собственные архивные поиски в НИАБ [11].

Воевать с мирными, невооруженными жителями всегда было проще, нежели с обученным и сильным противником. Такие «повстанцы» не представляли серьезной опасности для власти, т.к. они опасались воевать только с мирным населением, неизменно теряя поражения в столкновениях с войсками. Как справедливо замечает исследователь Виктор Хурсик (которого невозможно обвинить в симпатиях к Муравьеву), «яны былі сляпымі выканаўцамі чужой волі, але менавіта на такіх “змагароў” і рабіў стаўку Каліноўскі. Абраны ім шлях крывавага змагання з сваім народам (паўстанцы сваіх суайчыннікаў вешалі, білі і палілі шмат) ў імя нейкай вышэйшай мэты быў з самага пачатку тупіковым і згубіў ...жыцці тысяч ...суайчыннікаў як на палях баеў, так і ў царскіх засценках, жыцці ні ў чым не павінных рускіх, палякаў, яўрэяў, людзей іншых нацыянальнасцяў» [18, с. 11]. Однако, миф о «благородных повстанцах и русских карателях» еще нескоро выветрится из сознания ряда представителей белорусской интеллигенции. Вот и снова, описывая злоупотребления и преступления отдельных представителей русской власти, гродненский ученый А.Г. Радюк делает обоб-

щающий вывод: «расійскія войскі у “рускім” (паводле афіцыйнай версіі) крае паводзілі сябе як сапраўдныя заваеўнікі на чужой зямлі» [14, с. 150]. В связи с этим возникает вопрос: если российские власти вели себя как оккупанты, тогда кем были оксанные выше «повстанцы», затеявшие **террор** по отношению к **своему народу**? Кем были фанатично настроенные представители польского народа, когда чинили всяческие препятствия бытового характера своим русскоязычным соседям по улице? Рискуя навлечь на себя гнев «политкорректных» либералов, все же приведу некоторые примеры культуры поведения таких «патриотов» со слов очевидца тех далеких событий. 22 мая 1863 г. в Вильно хоронили погибших в бою с повстанцами двух нижних чинов и офицера лейб-гвардии Павловского пехотного полка. «Одна русская дама, провожавшая ...покойников, по настоятельным нуждам своей семьи вернулась домой с полпути; проходя через Острые ворота, она встретила здесь толпу женщин в черном. Одна из них ..., жена лакея, служившего в конторе «Виленского вестника»..., обратилась к ней с такими словами: «Московка! Разве ты не могла свою **падаль** проводить до кладбища?». На оскорбления православных священников уже никто не обращал внимания. В Вильно на улице тремя женщинами был остановлен православный епископ Ковенский Александр, «которые оплевали его одежду, а одна из них, дергая его за рукав, осыпала бранью, называя его попом псиной веры и проклятым схизматиком». Обращения к начальству не помогали. Сама власть в лице предшественника Муравьева на посту генерал-губернатора, В.И. Назимова, не могла защитить даже себя. Его дочерей обливали на улице помоями, к нему в кабинет врывалась толпа женщин, грозя растерзать его, если он не будет говорить с ними по-польски [4, с. 47, 55–56]. Если подобное происходило в самом Вильно, буквально под носом у многочисленных гражданских, военных и полицейских властей, то что говорить о провинциальных губернских или уездных городах? Оскорбления и нападки на мелких чиновников, священников, офицеров и простых обывателей были повсеместно. 28 июня (9 июля) 1863 г. в Гродненском уезде вблизи мест. Езеры (Озеры) 10 вооруженных повстанцев, «вдоволь откушав водки», жестоко избили хозяина корчмы, отставного солдата, осмелившегося потребовать денег за полученное ими удовольствие. Денег они, разумеется, не дали, а, наоборот, забрали у него 20 рублей «и удалились в ближайший лес» [8, лл. 84–86об]. По признанию автора воспоминаний, положение русских (равно как и белорусов – О.К.) до приезда Муравьева было невыносимым. И современник событий задает риторический вопрос: «Неужели поляки, живущие в Вильно или в древнеправославных городах Минске, Киеве и др., имеют более прав и смелей и безнаказаннее могут действовать, чем поляки или немцы в Москве и Петербурге? Если булочник Адам Адамыч в праздничный день немного забуянит в Москве, то его берут в полицию и подвергают штрафу, не заботясь о его национальности. Отчего же, когда дело коснулось одного ли преступного поляка из многолюдной щайки или многих из целого уголовно-преступного общества, правительству сходить с твердой почвы закона и... малодушно вступать в сделку и искать примирения с уголовными преступниками и государственной изменой?» [4, с. 56].

Когда-то автор этой статьи в беседе с профессором В.Н. Черепицей относительно характера восстания 1863 г. услышал от него фразу, что восстание было ничем иным, как гражданской войной между подданными одного государства. Трудно не согласиться с данным утверждением.

Разберем теперь степень вины и соответствие наказания участников восстания, представленных в списке.

1. Убийства ни в чем не повинных людей (по «приговорам» каких-то мифических, никем не признанных повстанческих властей) во все времена наказывались сурово. И когда современные исследователи оправдывают убийства и издевательства над мирными жителями по приговорам каких-то мифических нелегитимных «повстанческих властей», это выглядит, по меньшей мере, абсурдно. Признать подобное – значит отказать в праве государству на **монопольное легальное применение силы** для защиты своих граждан и территориальной целостности.

2. Довольно обширен список казненных военнослужащих – 15 человек. Можно не соглашаться с такими жестокими приговорами, но измена присяге и дезертирство из воинской части в период военного времени (как известно, территория современной Беларуси в 1863 г. была объявлена на военном положении) в любом государстве считается тягчайшим преступлением и карается жесточайшим образом, вплоть до смертной казни. Кроме того, как иначе назвать людей, учившихся в российских военных училищах, принимавших присягу на верность престолу и России, служивших в российской армии (а нередко и проливавших кровь за эту страну), делавших карьеру именно в России и в один прекрасный момент вдруг от всего этого отказавшихся?

3. Можно оспаривать казни ксендза Адама Фальковского, в отношении которого приговор выглядит сомнительным, и ряд лиц, казненных «за нахождение в мятежных шайках». В этих случаях очевидно, что их вина не является вопиющей, и эти люди не заслужили смертные приговоры. Оставим такие приговоры на совести военных судов.

Из этого следует сделать следующий вывод. Попытка насильственного отторжения части территории государства во все времена называлась сепаратизмом и каралась жестоко. Подстрекательство к таким действиям называется мятежом. Поэтому, с точки зрения законов Российской империи, повстанцы были обыкновенными преступниками, так как: а) они отказались от присяги на верность Александру II (в том числе и воинской присяги); б) вооруженным путем стали добиваться раскола государства; в) от имени неких самозванных «властей» стали проводить казни мирных жителей.

Можно уважать радикальный выбор повстанцев, можно восхищаться их горячей любовью к своему отобранному, безусловно, несправедливо, Отечеству и пытавшихся его восстановить таким путем. Но это лишь эмоции, которые должны быть отброшены, если речь идет о торжестве закона.

В то же время следует учесть, что власти не всегда карали смертной казнью лиц, которые этого заслуживали, даже рассуждая с современных позиций. Так, из всей группы в 13 человек (12 дворян и однодворец), принимавшей участие в повешении старосты села Озерицы Макаревича, к смертной казни кроме Масальского были приговорены еще 2 человека – помещичий сын Эдуард Керсновский и однодворец Антон Глебович. Спустя несколько дней двум последним казнь была заменена: Керсновский получил 20 лет каторги, Глебович выслан в отдаленные места Сибири. В отношении остальных лиц власти ограничились полицейским надзором. Между тем перед смертью Макаревичу выкололи глаза, и согласно архивным документам, самое активное участие в этом преступлении принимали именно Глебович и Керсновский [6, лл. 144–147].

Роман Рогинский, талантливый повстанческий командир, надевавший немало переполоху на территории современной Брестской области, после почти 750-километрового тяжелейшего зимнего рейда 1863 г. был арестован в Мозырском уезде. По совокупности преступлений (лично убил двух безоружных человек) военным трибуналом Варшавы был приговорен к смертной казни. Наместник Царства Польского великий князь Константин Николаевич, учитывая раскаяние Рогинского и ходатайство влиятельной особы в лице генерал-майора Свиты Александра II графа И.Г. Ностица, смертную казнь заменил пожизненной каторгой. По случаю воцарения на престоле Николая II, Рогинский получил амнистию.

Отношение к гимназистам было еще мягче. Ни один ученик, даже арестованный с оружием в руках, не был приговорен ни к каторге, ни тем более к смертной казни. Даже гимназист Левиновский, обвиненный в соучастии в убийстве 9 человек по приговорам повстанческого руководства, был отправлен всего лишь в Амурские арестантские роты [5, с. 19].

Конечно, нужно отличать повстанцев от подобных уголовников, только называвшихся людьми. Среди самих повстанцев было немало людей, чьи поступки и желания были искренни, кто не опускался до обыкновенной уголовщины против мирного населения, а сражался с равным себе противником, вызывая уважение и восхищение соперника относительно своего военного таланта и борьбой за возрождение своего государства. Здесь следует выделить отдельно

оставного подполковника русской армии, помещика Кобринского уезда Ромуальда Траугутта, который своим патриотизмом и искренностью вызывал уважение у противника. Вот что он говорил позднее на допросе: «Я никому не давал совета поднимать восстание, наоборот, как бывший военный, я видел всю сложность борьбы без армии и вооружения с государством, известным своей военной мощью. Когда вооруженное восстание должно было вспыхнуть в Кобринском повете..., где я жил, за несколько дней до срока ко мне обратились, умоляя, чтобы я принял командование. Обратившимся я описал все препятствия, как общего, так и личного порядка и рекомендовал отменить решение о начале восстания. Оказалось, что сделать это было уже невозможно. Тогда я согласился с их просьбой, так как считал, что как поляк обязан не щадить себя, когда другие жертвуют всем».

Но также нельзя огульно обвинять российские власти в каких-то «злодеяниях» и мифической «оккупации» Беларуси, как это сделал А. Радюк, хотя, безусловно, злоупотребления и преступления со стороны властей, особенно военных, имели место. Следует, наконец, признать, что любое государство имеет право на защиту целостности своей территории и границ. Иначе, обвиняя царское правительство в жестокости, надо быть последовательными и предъявить претензии большинству европейских (и не только) государств, благо вся история их становления построена на крови.

Как известно, общее число участников восстания в Северо-Западном крае составило около 77000 человек. Из них судебным репрессиям подверглось только 9361 человек. Таким образом, общее число репрессированных составляет лишь 12,8%. Здесь остается согласиться с мнением минского историка А. Гронского, что «власти не стремились использовать широкие репрессии для подавления восстания, а стремились обходиться в основном мерами административного воздействия» [3, с. 152].

Заключение. С мифом всегда расставаться тяжело, особенно, если он пустил глубокие корни в отечественной истории. Но ради объективности от него надо избавляться. М.Н. Муравьев не был безгрешным и святым. Как и любой человек, занимавший высокий государственный пост, он был властным, волевым, жестким, возможно жестоким. Но он не заслужил ярлыков «палача и вешателя». Крови на нем не больше, чем на руководстве повстанцев. Своими энергичными действиями в 1863–1864 гг. он спас страну от развала, а белорусский народ от еще больших жертв. Ведь еще неизвестно, как сложилась бы судьба той территории, которая сегодня называется Беларусью в случае победы повстанцев.

Закончить хотелось бы словами Романа Рогинского, сказанного им о восстании: «Все это уже, слава Богу, миновало и повториться не должно. Наш край иным путем должен достичь независимости».

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бендин, А. Без ярлыков и штампов / А. Бендин // *Беларуская думка*. – 2008. – № 6. – С. 42–46.
2. Государственный архив Российской Федерации. – Фонд 109. – III отделение – Оп. 38. – Д. 23. – Ч. 1. Общие сведения по Царству Польскому и Западным губерниям.
3. Гронский, А.Д. Отношения между российскими властями, польским и белорусским населением накануне и в период восстания 1863–1864 гг. // *Шлях да ўзаемнасці: матэрыялы XII Міжнароднай навуковай канф., Гродна, 11–12 лістапада 2004 г.* – Гродна: ГрДУ, 2006. – С. 149–153.
4. Корнилов, И.П. Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в Муравьевскую эпоху / И.П. Корнилов. – СПб: Типография А.С. Суворина, 1909. – 505 с.
5. Миловидов, А.И. Участие молодежи Северо-Западного края в мятеже 1863 г. и вызванная им реформа местных учебных заведений (по архивным материалам) / А.И. Миловидов. – Вильно: Русский почин, 1904. – 40 с.
6. НИАБ в Гродно. Фонд 1. – Оп. 34. – Д. 447. Военно-судебное дело на участников восстания 1863 г., жителей Гродненской губернии.

